

несносная дорога измучила меня чрезвычайно, а притом проехавши проклятые 728 верст не в три или четыре дни, как я полагал наверно, но в семь суток, я торопился добраться до Рязани и пробыл в Москве только три дни. Однако ж я успел там видаться со всеми, успел быть всякой день у Карамзина, поговорить с ним обо всем — от атамана разбойников Наполеона до атамана лириков наших. . . .⁴ — и наконец успел прочитать несколько отрывков его „Истории“: о происхождении славян, о варягах, о призвании Рурика, общие замечания о веке Владимира, победу над Мамаем и пр. Почтенный автор занимается теперь царствованием Иоанна, но внимание его обращено и на новейшие события. Ему хочется написать историю войны 1812 года, и план уже готов в голове его: план превосходный. Я удивлялся искусству и точности, с коими он начертан. Главная цель автора есть вторжение французов в Россию и бегство их. Но, что же привело их к нам? И с какими целями, с какими надеждами? — Для объяснения сего необходимо нужно начать с Французской революции и вкратце показать ее последствия. Походы Суворова, Аустерлицкой, Фридландской, мир при Тильзите представлены глазам читателя в отдалении, как бы картины в волшебном фонаре. Но чем ближе к нашему времени, тем изображения становятся яснее, обширнее, подробнее. Сильно и красноречиво будет описание сей достопамятной кампании, есть ли судить по жару, с каким Карамзин говорит об ней. Наконец, перенеся знамена русские за Неман, он опять сжимает, так сказать, свои изображения; краткими, но сильными чертами повествует подвиги в Германии и во Франции, и потом вдруг устремляет все лучи на взятие Парижа, на славное сие последствие 1812 года, который никогда не перестает быть главною его целию. — Для меня всего приятнее слушать умного и красноречивого человека, говорящего с жаром; никакие книжные фразы, на которых всегда приметна печать излишней выделки и обдуманности, не могут сравниться с простым сердечным жаром в разговорах».

Этот отрывок из письма Дашкова представляет несомненный интерес для творческой биографии Карамзина: значительно полнее, чем ранее опубликованные «Мысли для Истории Отечественной войны», он позволяет уяснить общий композиционный замысел неосуществленного труда историка.

⁴ Многоточие, очевидно, скрывает фамилию Батюшкова